

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

В.П. Бурнашев как анекдотист

© 2022, А.И. Рейтблат

Новое литературное обозрение, Москва, Россия

Аннотация: Материал посвящен важному и еще мало изученному аспекту творческого наследия В.П. Бурнашева — собранным и записанным им анекдотам из литературной и общественной жизни России XIX в.; статья сопровождается публикацией подборки неподцензурных (преимущественно скандальных по своим сюжетам) текстов Бурнашева из архивов Пушкинского Дома и Российской национальной библиотеки. Журналист, автор многих книг для детского чтения, научно-популярных сочинений и компиляций, газетный поденщик, Бурнашев особенно интересен для историков литературы как мемуарист, выступавший в 1870-е гг. с воспоминаниями о писателях и исторических лицах, преимущественно 1820–1840-х гг. В статье также ставится вопрос о жанровой специфике анекдотов XIX в.

Ключевые слова: В. Бурнашев, литературные анекдоты, общественная и культурная жизнь России XIX в., Н.С. Лесков, творческое наследие, архивные публикации.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, издательство «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>
E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: В.П. Бурнашев как анекдотист / подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблат // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 282–314.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

Страстью Владимира Петровича Бурнашева (1810–1888) были анекдоты. Он их запоминал, записывал¹ и рассказывал. С.Ф. Либрович вспоминал (про 1870-е гг.): «Бурнашев был усерднейшим рассказчиком анекдотов из жизни писателей, государственных и общественных деятелей. В его анекдотах, хотя и не всегда достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц» [6, с. 30].

Первая треть XIX в. была периодом расцвета жанра салонного анекдота и славилась талантливыми их рассказчиками (Ф.В. Растопчин, Д.Е. Цицианов, В.И. Апраксин, А.М. Пушкин и др.). В великосветские салоны Бурнашев не был вхож, но нередко посещал менее значимые салоны, а также литературные вечера (Н.И. Греча, А.Ф. Воейкова). Так или иначе, он располагал большим запасом анекдотов о русских литераторах, государственных и административных деятелях, военачальниках и т. д. В этом он не был одинок, ряд литераторов в ту эпоху собирали анекдоты: П.А. Вяземский, А.Е. Измайлов, А.С. Пушкин, Н.В. Кукольник и др., первые два из упомянутых даже публиковали их². Но в их литературной деятельности это было маргинальной чертой, основную известность им приносили другие жанры.

Бурнашев же поставил анекдоты в центр своих писаний. Многими из них он заполнял воспоминания³, ряд его мемуарных очерков представляли собой один растянутый анекдот⁴, публиковал он и подборки анекдотов. Так, в 1872–1873 гг. он выпустил под псевдонимом И. Попов пятитомную книгу «Энциклопедия весельчака: Собрание 5000 анекдотов древних, новых и совре-

¹ Бурнашев не раз утверждал в печати, что фиксировал различные разговоры и анекдоты в записной книжке (см., например: *Мое знакомство с Воейковым* в 1830 году и его пятничные литературные собрания // *Русский вестник*. 1871. № 10. С. 602; № 11. С. 143. Подп.: *Петербургский старожил В.Б.*; *Воспоминания об А.Е. Измайлове* // *Дело*. 1874. № 4. Паг. 1. С. 168. Подп.: *Эртаулов*. Правда, одновременно он утверждал, что его архив в 1864 г. сгорел (см.: *Мое знакомство с Воейковым* в 1830 году и его пятничные литературные собрания // *Русский вестник*. 1871. № 9. С. 278; *Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850* // *Русский вестник*. 1872. № 12. С. 703. Подп.: *Петербургский старожил В.Б.*).

² См., например, «Выдержки из записной книжки» П.А. Вяземского: *Московский телеграф*. 1827. № 6. С. 90–95; *Северные цветы* на 1829 год. СПб., 1828. С. 218–230; «русские анекдоты» А.Е. Измайлова (подп.: *И.*) в разделе «Смесь» в журнале «*Благонамеренный*» (1818. № 1; 1819. № 5; 1821. № 1, 3, 6; 1824. № 1, 2), его же «Смесь» в газете «*Северная пчела*» (1829. № 102), и др.

³ См., например: «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания»; «Воспоминания об А.Е. Измайлове».

⁴ См., например: *Невидимка уланский офицер* // *Биржевые ведомости*. 1873. № 96; *Рыцари-темплиеры Невского проспекта* (1829 г.) // Там же. 1873. № 136.

менных», а в 1873 г. вел в газете «Биржевые ведомости» рубрику «Клуб анекдотистов и каламбуристов» (№№ 225, 226, 234, 258).

Пришел к этому Бурнашев не сразу. В начале своего творческого пути он был довольно популярным журналистом, печатавшим в «Северной пчеле» широко читавшиеся статьи о русских предпринимателях и изобретателях из «народа». Потом переквалифицировался в детского писателя, автора художественных и познавательных книг. После этого он редактировал такие периодические издания, как «Эконом» и «Труды Императорского Вольного экономического общества» и опубликовал немало книг на хозяйственные темы. И, наконец, Бурнашев превратился в мемуариста, чьи воспоминания печатали как общие («Заря», «Русский вестник», «Дело»), так и исторические («Русский архив») журналы, не говоря уже о газетах («Русский мир», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета»)⁵.

Слово «анекдот» имело в XVIII — первой половине XIX в. более широкий смысл, чем сейчас. Например, А.В. Никитенко определял его так: «Анекдот <...> заключает в себе: 1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности, и проч.; 2) любопытную черту в характере или жизни известного лица, и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению»⁶. Е.К. Никанорова аргументировано выделяет две основные, сильно отличающиеся разновидности анекдотов того времени: бытовой (комический) и исторический (биографический) [9]. В бытовых анекдотах высмеивались человеческие пороки и недостатки, а в исторических прославлялись добродетели, преимущественно царей или полководцев. А.Е. Чекунова обратила внимание на то, что слово «анекдот» вошло в русский язык в 1750–1760-х гг., причем применялось оно в основном к историческому анекдоту, в то время как комические называли замысловатыми повестями [11, с. 131–140]. Такие анекдоты можно обнаружить в сборнике «Товарищ разумный и замысловатый, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков» (1764), переведенном П. Семеновым с французского, в знаменитом «Письмовнике» (1777) Н.Г. Курганова и ряде

⁵ Подробнее о Бурнашове см.: [5; 8].

⁶ А. Н-ко [А.В. Никитенко]. Анекдот // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303.

других изданий. Но отдельными книгами выходили в XVIII в. почти исключительно исторические анекдоты, главным образом переводные, в том числе и многократно переиздававшиеся «Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге» (1786), изданные Яковом фон Штелиным. Книг анекдотов отечественного происхождения, вышедших в XVIII в., было лишь две: «Анекдоты древних пошехонцев» (1798) В.С. Березайского и подготовленный И.И. Голиковым сборник «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого» (1798).

В начале XIX в. вышло немало отечественных сборников анекдотов, но посвящены они были тоже главным образом царям и полководцам⁷. Иногда выходили книги, где были представлены анекдоты о людях других сословий, но и тут они были направлены на прославление их доблестей и подвигов, как, например, в книге «Анекдоты русские, или Великие достопамятные деяния и добродетельные примеры, славных мужей России: Знаменитых государей, полководцев, гражданских чиновников, купечества и других особ всякого звания, отличившихся героическою твердостью, неустрашимостию духа, усердием, благотворительностию, истинною правотою дел своих и другими многими примерами непоколебимой приверженности к вере, государю и любви к Отечеству» (1809). Но в 1830-х гг. усиливается развлекательная струя в публикациях, выходят, например, сборники анекдотов о шутах⁸.

Анекдоты были также постоянным компонентом русских журналов конца XVIII — первой трети XIX вв. (см.: [1, с. 30–89]).

В этих изданиях анекдотов читателям были важны не литературные достоинства текста, а его содержание. Характерно, что большинство такого рода книг и журнальных публикаций печатались анонимно, личность автора или собирателя читателей не интересовала. Например, А.Е. Измайлов, который на протяжении ряда лет систематически публиковал анекдоты в своем журнале

⁷ См., например: «Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины Великой» (1806), «Анекдоты о императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском» (1807), собранные Е. Тыртовым, «Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском» (1808), «Анекдоты, или Достопамятные сказания о его светлости генерал фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском» (1814) и т. д.

⁸ «Анекдоты о Балакиреве, бывшем при дворе Петра Великого шутом, с его портретом» (1831) А. Данилова, «Анекдоты Кульковского, придворного шута императрицы Анны Иоанновны» (1836), «Анекдоты о придворном шуте Адамке Педрилло» (1836).

«Благонамеренный», написанные/записанные им «русские анекдоты» (обычно он так маркировал их) никогда не подписывал своей фамилией, ставя только инициал И.

Ряд исследователей считают, что в пушкинскую эпоху существовал анекдот как литературный жанр⁹. С этим можно согласиться, но со значительными оговорками. Если, скажем, литературная сказка и литературная песня существуют независимо от фольклорных, то литературный анекдот — это обычно запись устного анекдота, пусть и литературно обработанная. Трудно представить себе, что кто-то специально создает анекдоты для публикации, а не для рассказывания. Литератор может только запечатлеть анекдоты и, при желании, переакцентировать их (как в приводимом Е. Кургановым примере анекдота про митрополита Платона у гроба Петра I [4, с. 27]). В печати анекдоты существуют или как запись устных рассказов, или как элементы сложной литературной конструкции (например, «*Table-talk*» Пушкина или «Старая записная книжка» Вяземского, где анекдоты перемежаются воспоминаниями, размышлениями, остротами и т. д., создавая сложный синтез), или как основа для рассказа или короткой повести.

Иная ситуация сложилась в 1870-х, когда шли социальные реформы (освобождение крестьян, судебная и военная реформы и др.) и быстро менялись образ жизни, бытовые условия и т. д. Как реакция на эти изменения усилился интерес к прошлому. В течение сравнительно краткого срока возникли несколько исторических журналов («Русский архив», 1863–1917; «Русская старина», 1870–1918; «Древняя и новая Россия», 1875–1881; «Исторический вестник», 1880–1917), в которых, наряду с другими материалами, печатались и исторические анекдоты. Многие персонажи анекдотов 1820–1840-х гг. к тому времени умерли, кроме того, и цензурные требования существенно смягчились, в результате возникла возможность обнародовать анекдоты того времени уже не как современный, а как исторический материал.

Любопытно, что воспоминания, принесшие ему известность, в которых немалую роль играют анекдоты, Бурнашев начал печатать в 1871 г.¹⁰, на год опередив Вяземского, который с 1872 г.

⁹ См.: [9; 2; 3; 4; 1].

¹⁰ Четверги у Н.И. Греча // Заря. 1871. № 2. С. 164–190; № 4. С. 3–45. Подп.: В.Б.; упоминавшаяся статья «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания».

в течение нескольких лет печатал фрагменты своей «Старой записной книжки»¹¹.

Е. Курганов в своих работах о русском литературном анекдоте [2; 3; 4] выделяет две линии в его развитии — аристократическую и буржуазную. По его мнению, «Вяземский, создавая апологию русской дворянской культуры, обосновывая ее особую цивилизаторскую миссию, подчеркивая, что эта культура выразилась не только в шедеврах искусства, но и в несомненной высоте форм быта (“утонченность общежития”) <...> во многом опирался на литературный (историко-биографический) анекдот». В эти же годы (1830–1840-е) «беллетрист, драматург, поэт, художественный критик Н.В. Кукольник также стал собирать анекдоты. Причем отбор сюжетов проводился абсолютно целенаправленно, даже жестко, определяясь установкой на компрометацию блистательности придворно-дворянского быта, на резкое обнажение поверхностности российского европеизма и скрывающуюся под ним дикость нравов» [4, с. 186].

Бурнашев был представителем второй линии, он по большей части стремился дезавуировать представителей аристократии и высокопоставленных чиновников. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в тех анекдотах нецензурного характера, которые он писал не для публикации, а для Н.С. Лескова, платившего Бурнашеву за них, чтобы поддержать престарелого и не имеющего ни пенсии, ни заработка литератора и чтобы, возможно, использовать в своей литературной работе (как использовал он автобиографию «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquis de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев», опубликовав ее со своими комментариями в очерке «Первенец богемы в России»¹²).

Ниже ранее не публиковавшиеся анекдоты Бурнашева печатаются по коллекции, которую собрал Лесков во второй половине 1880-х гг. (ИРЛИ. Ф. 412. Ед. хр. 14. Л. 5, 9, 12, 19, 35, 75, 85–86, 97), а также (последние четыре текста публикации) по подборке, подготовленной им в первой половине 1870-х гг. для трехтомного издания своих сочинений, которое обещал выпустить (но не

¹¹ Старая записная книжка // Деятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2. С. 219–296; Еще выдержки из Старой записной книжки // Русский архив. 1872. № 11; Из Старой записной книжки. 1873. № 1, 6, 9–11; 1874. № 1, 2, 5, 7; 1875. № 1–6, 12; 1876. № 1, 2, 6, 8–10; 1877. № 4–6.

¹² См.: Исторический вестник. 1888. № 5. С. 534–564.

выпустил) М.О. Вольф (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 5. Л. 26–27, 91, 95, 124а).

Отмечу, что публикуемые тексты не являются, за немногими исключениями, анекдотами в чистом виде. Это, скорее, микроновеллы, основывающиеся на анекдотах или на слухах, которые циркулировали в обществе. Следует оговорить еще одно. Бурнашев нередко включал в свои своды анекдоты, выписанные из чужих текстов. Те анекдоты, источники которых нам удалось установить, в настоящую подборку не включались. Но нет гарантии, что какие-то использованные Бурнашевым публикации остались мне не известны.

В.П. Бурнашев

ЗОЛОТЫЕ ЦАРСКИЕ РОГА ОБЕР-ЕГЕРМЕЙСТЕРА ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА НАРЫШКИНА. 1809 г.

Вся Европа удивлялась особого рода *роговому оркестру*, которого каждый исполнитель играл в одну ноту. Этот оркестр был у тогдашнего обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, составившего его из служителей егерского приказа, бывшего в его ведении. Инструмент у всех был один и тот же — охотничий короткий рожок. Эта необычайная музыка так восхищала ограниченного ума обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, что он на свой счет червонным золотом вызолотил все рожки. Обстоятельство это, сопоставленное с тем еще, что, нисколько о том не догадываясь, глуповатый Дмитрий Львович сам носил рога, какие ему приставлял император Александр Павлович, имевший открытую для всех, кроме мужа, связь с его женою, знаменитою красавицею Марьею Антоновною, урожденною графинею Потоцкою¹³, — подало повод родному брату Дмитрия Львовича остряку и каламбуристу Александру Львовичу сказать, когда кто расхваливал роговую музыку придворных егерей: «Как же, у брата Дмитрия *золотые царские рога*».

¹³ Ошибка: М.А. Нарышкина (1779–1854) была урожденная княжна Святополк-Четвертинская. Бурнашев перепутал ее с женой Л.А. Нарышкина Ольгой Станиславовной (1802–1861), урожденной графиней Потоцкой.

Все это не помешало Дмитрию Львовичу верить по самую смерть свою, что Эммануил Дмитриевич Нарышкин (нынешний высочайший придворный чин) есть его сын, тогда как самый облик его — живой портрет настоящего своего отца, императора Александра Павловича.

МАДМУАЗЕЛЬ ЭЛЬСТОН И НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, ЕЩЕ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, В 1819 ГОДУ

Еще у Николая Павловича был побочный сын, необычайно, поразительно на него похожий, — это флигель-адъютант Эльстон, носивший шведскую фамилию своей матери мадмуазель Эльстон (Юлия Богдановна), которая была молочной сестрою и любимую камер-медхен¹⁴ принцессы Шарлотты прусской, сделавшейся в 1818 году русской великой княгиней Александрой Федоровною¹⁵, впоследствии (с 14 декабря 1825 г.) императрицею даже¹⁶. Когда Александра Федоровна забеременела своим первым сыном Александром Николаевичем, то она стала вскоре страдать разными женскими болезнями, вследствие чего доктора Арндт, Рюль, Крейтон и другие, осматривавшие ее, предсказали ей скоротечную чахотку, ежели она будет продолжать половые сношения с мужем, т. е. с Николаем Павловичем, которого она так любила, что не хотела его огорчать отказом. Тогда, чтоб овцы были целы и волки сыты, Юлинька Эльстон, молочная сестра Александры Федоровны, похожая на нее особенно голосом и отрывочною манерою разговора, сама влюбленная по уши в Николая, помогла своей [слово *нрзб.*] подруге обмануть ее мужа, легши вместо ее в темной спальне. Затруднения самого действия изумили полного тогда жизни и сил Николая, хотя и худошавого еще. Но наслаждение было велико и, хотя вскоре он узнал обман, а продолжал еще ночное занятие, уверяя Арндта, что он врет, равно как и его товарищи, так как жене его нет ни малейшего вреда от его ноч-

¹⁴ Камер-медхен — комнатная служанка.

¹⁵ Она вышла замуж за великого князя Николая Павловича не в 1818-м, а в 1817 г.

¹⁶ Фамилию, которую носила его кормилица-англичанка, Эльстон получил по императорскому указу. О том, кто были его родители, сведений нет. Ходили слухи, что его отец — прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать — графиня Е.Ф. Тизенгаузен. В Википедии в статье о нем говорится, что «правнучка Сумарокова-Эльстона З. Бурке-Башкирова, для разрешения вопроса изучавшая архивные документы, утверждает, что матерью Феликса была [венгерская] графиня Иозефина Форгач, которая родила ребенка от связи с [бароном] Карлом Хюгелем».

ных с нею сношений. Сколько Александр Николаевич был похож на мать, столько Эльстон был вылитый Николай Павлович. Он впоследствии женился на единственной дочери графа Сергея Павловича Сумарокова и сделался графом Сумароковым-Эльстон¹⁷. Умер лет 7–8 пред сим в звании генерал-адъютанта и генерала от кавалерии¹⁸ начальником Харьковского военного округа, каким ныне начальствует генерал-адъютант Федор Федорович Радецкий¹⁹.

ГРАФИНЯ ЛАВАЛЬ 60 ЛЕТ И ЕЕ ЛЮБОВНИК 24-ЛЕТНИЙ ФРАНЦУЗИК ШАРЛЬ ST. JULIEN

В числе французских эмигрантов, которым император Павел покровительствовал, преимущественно за то, что они прилежали и принадлежали к Мальтийскому ордену, коего Павел был гроссмейстером²⁰, — был бедный дворянчик граф Лаваль. Чтоб мигом высоко поднять *маленького* Лавалья (он при этом был роста очень небольшого и миниатюрен по-женски), император нашел нужным женить *маленького мальтийца* на огромной и толстой грудастой девке, купеческой дочери Сазоновой, отец которой, миллионер, был подрядчиком Императорского Двора²¹. Павел призвал к себе Сазонова и объявил ему свое желание сделать коровообразную дочь французской графиней. Отцу оставалось только повиноваться, и вот оказалась при дворе карикатурная графиня, говорившая, впрочем, мастерски по-французски. Дочь ее, единственная, была замужем за декабристом Трубецким и сопутствовала ему в Сибирь²², что, впрочем, не помешало ей, когда

¹⁷ В 1856 г. по императорскому указу Эльстон присоединил к своей фамилии фамилию и титул тестя, графа С.П. Сумарокова, и стал графом Сумароковым-Эльстоном.

¹⁸ Этого чина у Ф.Н. Сумарокова-Эльстона не было, он дослужился только до звания генерал-лейтенанта.

¹⁹ Ф.Ф. Радецкий (1820–1890) — генерал от инфантерии (1877), генерал-адъютант (1878), начальник Харьковского (1882–1888) и Киевского военных округов (1888–1889).

²⁰ Павел I был великим магистром Мальтийского ордена с 1798 г. до смерти в 1801 г.

²¹ Ошибка. Отец графини Александры Григорьевны Лаваль (1772–1850) — кабинет-секретарь Екатерины II, писатель и журналист Григорий Васильевич Козицкий (1724–1775), а вот дедом ее (по материнской линии) был очень богатый симбирский купец Иван Семенович Мясников (1710–1780), владелец горных заводов на Урале, и она унаследовала часть его состояния.

²² Помимо Екатерины Лаваль (1800–1854), которая тут имеется в виду, у Лавалей было еще две дочери: Зинаида (1801–1873) и София (1809–1871).

муж ее был уже на житье в Иркутске, иметь любовника в лице одного из декабристов же, красавца — Поджою. Она, по-видимому, пошла по маменьке, которая чуть не до гробовой доски предавалась сладостям амуретничанья. Я помню эту необъятно толстую и громадную старуху, когда она при мне в 1830 году навещала француза 24 лет Шарля Сент-Жюльена, издателя французской газетки «Le Furet» («Хорек») ²³, в какой я участвовал по части отчетов о русской литературе, имея от роду 18 лет. Когда она, эта громадина, приезжала к St. Julien, то она сажала его, тоже премаленького и пресубтильного, себе на колени, что подало повод петербургским французам выпустить карикатуру, изображавшую St. Julien спеленутого в колыбельке, а графиня Лаваль кормит его конфетами, запихивая их ему в рот сторублевою ассигнациею ²⁴.

ЕЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО МИННА ИВАНОВНА БУРКОВА,
УРОЖДЕННАЯ ЗИНГЕР, ДОЧЬ РЕВЕЛЬСКОГО БУЛОЧНИКА,
И СУДЬБА ЕЕ СПИВШЕГОСЯ МУЖА (в 1840 годах)

В былые времена, когда друг и совоспитанник императора Николая граф Владимир Федорович Адлерберг был министром

²³ Ш. Сен-Жульен был секретарем и библиотекарем Лавалей и на их средства издавал газету «Le Furet». О ней см.: [10], а также комментированные републикации: Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» в 1829–1830 годах / пер. с фр. и примеч. Н. Сперанской // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 376–401; Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» / «Le Miroir» в 1831–1832 гг. / пер. с фр. и примеч. Н. Сперанской // Там же. 2009. № 98. С. 375–404. Бурнашев много печатался в этой газете.

²⁴ Ср. другой вариант этого анекдота, записанный Бурнашевым под названием «Каламбур из фамилии»: «Толстая-растолстая и довольно-таки вульгарная, хотя и очень добрая графиня Лаваль, супруга французского эмигранта, женатого в царствование Павла Петровича на дочери русского, громадно богатого откупщика, — ежели верить тогдашнего времени скандальной хронике, — имела очень мало расположения к своему [т]щедушному мумиеобразному супругу, доставившему ей лишь наслаждение именоваться сиятельною. К числу юных протеже графини-толстухи принадлежал, как тогда говорили, университетский лектор французского языка и издатель-редактор крохотного салонного французского еженощного листка под названием “Le Furet” господин Шарль де Сен-Жюльен. Этот Сен-Жюльен в тридцатых годах был молоденький, необыкновенно маленький с сенсимонистскою черною гривую человек, лет так двадцати пяти. Графиня много ему покровительствовала, много ему помогала деньгами, сильно его поддерживала, почему, разумеется, создала бедному французику целый полк завистников, один из которых пустил по городу рисованную красками карикатуру, изображавшую графиню Лаваль за обедом (она была еще и обжора) с ложкою в руке, и на впадие ложки стоит крохотный мосё Сен-Жюльен перед открытою пастью ее сиятельности. Внизу надпись: “Madame l’avale” [“Мадам его проглатывает” (фр.)]» (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 5. Л. 147).

двора и министром (главноначальствующим) почт²⁵, он, при всей присущей ему кротости и скромности, был такая административная власть и мощь, перед которою почти всё и все преклонялось и преклонялись. Сам граф был деликатен, честен и бескорыстен, но, к несчастью, он имел слабость уже в немолодых годах до сумасшествия влюбиться в ревельскую уроженку, прибывшую в конце 30-х годов в столицу для промысла, Эмилию или Минну Зенгер, дочь ревельского булочника²⁶, которая, поселясь в Новой Деревне, сделалась тотчас наложницей чуть не всего Кавалергардского полка, который до лагерей и после лагерей квартировал в Новой Деревне. В это время Минночка была самая свежесть и имела в высшей степени *la beauté du diable* (сатанинскую прелюбодейную увлекательность), почему переходила из рук в руки всего офицерства, как известно, в этом полку богатого и в те времена щедрого и тароватого.

Раз как-то случился пожар в Новой Деревне (статья, кажется, Мартьянова в «Историческом вестнике» 1884 или 85 годов²⁷). На пожаре был государь Николай Павлович и непременный его спутник граф Владимир Федорович Адлерберг. К ногам императора упала молоденькая красивенькая немочка, все маленькое имущество которой сделалось жертвою огня. Она была в белье, т. е. в рубашке, кальсонах и юбке, с шерстяным платком-шалью. Слезы, рыданья и миловидность тронули Николая Павловича. Он, продолжая заниматься тушением пожара, который мог сделаться громадным, поручил девушку Адлербергу. Граф посадил Минну в свои сани, закутал своею широкою шубою, держа полуодетую женщину на коленях, и отвез к себе в дом почтового ведомства на Фонтанке у Цепного моста Летнего сада.

С этого часа Минна завладела сердцем Адлерберга и делала с ним все, что хотела. Вся ее деятельность куртизанки была под вымышленными именами ярко изображена чуть ли не в 20–25 номерах «Современника» Некрасова и Панаева — Па-

²⁵ Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884), граф (1847) — доверенное лицо императора Николая I, генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843), главноначальствующий над Почтовым департаментом (1842–1852), министр двора и уделов (1852–1870).

²⁶ Мина (Вильгельмина) Ивановна Буркова (урожд. Гуде; ок. 1816–?) — любовница В.Ф. Адлерберга с 1835 г., жена Тимофея Ивановича Буркова.

²⁷ См.: *Мартьянов П.К.* Выдержки из записной книжки // Исторический вестник. 1884. № 9. С. 584–602. Здесь на с. 597–599 изложена история возвышения Мины Бурковой, но Мартьянов пишет о пожаре в Песках, а не в Новой Деревне.

наевым, Дружининым и Жемчужниковым²⁸. Там описан каждый шаг Минны дома и не дома. Однако, хотя описаны все ее грабежи, взяточничества, проданные места, созданные ею за деньги должности и пр.²⁹, не описан ее брак, подробности которого я слышал от многих и наиболее от Матвея Степановича Хотинского, одного из сотрудников «Современника» 40–50-х годов³⁰. Дело в том, что Минне захотелось быть «вашим превосходительством». Она пристала к Адлербергу, а Адлерберг поручил найти или статского советника или действительного статского советника в мужья Минне с условием не знать ее после свадьбы, а довольствоваться пенсией. В трактире «Малоярославец» найден был друг главного буфетчика статский советник Федосей Ефимович Бурков, выгнанный за пьянство из Министерства [государственных] имуществ. Его определили почтмейстером в Нерчинск с награждением при определении чином действительного статского советника, т.е. превосходительным. Бракосочетание совершилось довольно скромно, и тотчас после свадебной церемонии Федосей Ефимович уехал с пузатым бумажником в глубь Сибири, а супруга его, ее превосходительство Минна Ивановна Буркова на свое генеральское имя купила большущий и очень доходный дом в Большой Подьяческой, где она и поселилась, чтоб уже более не жить в наемных квартирах.

Убранство ее жилища спорило в блеске с дворцовыми чертогами. Прошел год с хвостиком. Сибирское начальство страшно жалуется на без просыпа пьяного, самовольного, кричащего

²⁸ И.И. Панаев в «Современнике» в своем фельетонном цикле «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» в 1856 г. в № 12 писал про камелию Мину Александровну, а в 1857 г. в № 3 подробно охарактеризовал Буркову под именем Шарлотты Федоровны (Отд. 5. С. 126–149). В дальнейшем он неоднократно упоминал Шарлотту Федоровну в фельетонах этого цикла. (Благодарю К.Ю. Зубкова за библиографические указания.) В «Современнике» о Бурковой писал также Салтыков-Щедрин в рассказе «Жених» (1857. № 10; упомянута как Каролина Карловна) и в заметках «Наша общественная жизнь» (1864. № 1; упомянута как Шарлотта Ивановна).

²⁹ В 1856 г. директор канцелярии министра государственных имуществ К.Н. Лебедев записывал в дневник про М.И. Буркову, что она «нагло самовластвует в ведомствах почты и театров. Эта авантюрька представляет редкое явление. Ее терпели прежде, терпят и теперь, все ее знают, все знают ее злоупотребления, громко говорят <...>» (Русский архив. 1893. № 4. С. 341). См. также о М.И. Бурковой: *Пеликан А.А.* Во второй половине XIX века. Студенческие годы // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 157–158.

³⁰ См. публикации Хотинского: Новейшая астрономическая литература // Современник. 1848. № 5, 6; Волшебство и натуральная магия // Там же. 1850. № 2, 4, 9; 1851. № 6, 11, 12; Очерк истории огнестрельных составов // Там же. 1855. № 5, 6; и др.

о силе своей жены нерчинского почтмейстера, совершающего ужасы. Буркова наконец выкинули из службы, и он почти нищим явился в Петербург, где вспомнил, что у него есть здесь *законная* жена, почему явился к ней, напоминая ей о своих супружеских правах. Это взбесило горяченькую немочку, в минуты гнева иногда не щадившую и парика своего сиятельного милостивца. Она гайдукам своим велела выбросить дерзкого на улицу. Он снова побрел к буфетчику малоярославецкого трактира, который дал ему совет смириться перед супругою и, узнав, когда ее превосходительство будет выезжать со двора, стать перед нею на колени на тротуаре, прося ради Христа подать ему. Федосей Ефимович исполнил этот совет, результатом чего было то, что она (Минна Ивановна) бросила ему в рожу кошелек с золотом, где оказалось около 300 рублей серебром. Бурков с этим кошельком отправился в трактир «Демут» (Большая Конюшенная). Трое суток кутил, а в четвертые умер от удара.

СВОДНИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ СТАТСКОГО СОВЕТНИКА АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА ЭЛКАНА (ИЗ ЖИДОВ)

В 30-х и 40-х годах [было] довольно-таки громко имя этого грязненького (в нравственном отношении) чудодея и с тем вместе весьма талантливочеловечка с обезьяньей физиономией и кошачьими ухватками, знавшего практически 5–6 языков и притом весьма недурного музыканта, как вокалиста, так инструменталиста. Он умер в 70-х годах на 96 году от рода³¹ в чине статского советника, и хоронили его по лютеранскому закону из собственного его каменного дома на Петербургской стороне. Главная черта характера этого загадочного человека состояла в том, что он постоянно добивался до чести считаться агентом III отделения, хотя он им никогда не был, так как все слишком хорошо знали его болтливый язык, который не способен был хранить какую бы то ни было тайну. Раз два-три подгулявшая молодежь в клубах и на островах, принимая его действительно за шпиона, каким он всячески старался казаться, наказывала его когда киями, когда арапниками, когда кулаками, и на другой день он, при встречах с знакомыми, а он знаком был со всем Петербургом, хвастался своими синяками, уверяя, что он приобрел их при отправлении службы его императорского величества. *De gustibus non est*

³¹ А.Л. Элькан умер в 1868 г. в возрасте 82 лет.

disputandum!³² У всякого свой вкус, у Элькана был также свой, совершенно необыкновенный. Его встречали большею частью в светло-синем фраке с белыми серебряными пуговицами, то есть в форменном полумундире Министерства путей сообщения, где он служил в звании переводчика; но главная его закулисная должность состояла в ежедневном к ночи доставлении гетер (им тщательно отыскиваемых хоть на дне морском) главноначальствующему путями сообщений генералу от инфантерии герцогу Александру Виртембергскому³³, прозванному Шишка по причине огромной сине-багровой шишки, с рождения украшавшей лоб его высочества, родного брата вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 65-летнего старца, неистового нимфомана. Но у герцога было два сына: Александр и Эрнст, оба громадного роста и замечательной глупости верзилы, кузены императоров Александра I и Николая I. Они с ранней юности были кирасирскими генералами, носившими мундиры двух кирасирских полков, коих они считались шефами³⁴. Как члены царской фамилии, эти болваны пользовались правом быть кавалерами ордена Андрея Первозванного.

В конце 30-х годов или начале 40-х годов *герцог Шишка* помер³⁵, и на его место был назначен граф Толь³⁶, давший совсем другое направление ведомству путейскому, и при нем, естественно, Элькану нечего было делать в Юсуповском дворце. Принцы-генералы Эрнст и Александр утекли в свою Виртембергию, и один из них был женат на герцогине Орлеанской³⁷, сестре графа Парижского³⁸. Когда юные кирасирские генералы виртембергской крови

³² О вкусах не спорят! (*лат.*).

³³ Александр Фридрих Карл, герцог Вюртембергский (1771–1833) — генерал от кавалерии (1800), начальник Главного управления путей сообщения (1822–1832), член Государственного совета (1826).

³⁴ Имеются в виду Александр Фридрих Вильгельм, принц Вюртембергский (1804–1881) — генерал-майор русской армии (1828), шеф Стародубского кирасирского полка (1828–1835) и Эрнест Александр Константин, принц Вюртембергский (1807–1868) — генерал-майор русской армии (1828), шеф Астраханского кирасирского полка (1828–1835).

³⁵ Герцог Александр Виртембергский умер в 1833 г.

³⁶ Граф (с 1829 г.) Карл Федорович Толь (1777–1842) — генерал от инфантерии (1826), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1833–1842).

³⁷ Имеется в виду Мария Кристина Каролина Аделаида Франсуаза Леопольдина, принцесса Орлеанская (1813–1839) — дочь короля Франции Луи Филиппа.

³⁸ Мария Орлеанская была не сестрой, а тетей графа Парижского Луи-Филиппа Альбера Орлеанского (1838–1894); у его отца Фердинанда-Филиппа Орлеанского (1810–1842) не было этого титула.

узнали, что их папаша имеет поставщиком гетер Элькана, они начали перехватывать этих красавиц, вследствие чего, чтоб все виртембергцы были довольны, Элькан всегда стал распоряжаться так, чтобы привозить в Юсуповский дворец не одну, а ежедневно трех гетер, впрочем, гонорируемых не свыше синей (то есть пятирублевой) ассигнации.

Ежели кто хочет узнать всю подноготную Элькана, то пусть прочтет подробности о нем в книге Касьянова «Наши чудодеи» (1875).

[В указанной книге — *Касьян Касьянов [Бурнашев В.П.] Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода.* СПб., 1875. С. 230–234, — Бурнашев писал: «Имя Элькана, этого крайне загадочного Протейя, сделалось известным в Петербурге уже с двадцатых годов. Здесь почти не было ребенка, который бы не знал, что под именем Элькана известен сутуловатый, темно-русо-кудрявый, гладко выбритый, румяный, с толстыми ярко-красными губами, с огромными, всегда оскаленными белыми зубами, смеющийся, веселый, постоянно чему-то радующийся господин в очках с черною оправою, встречаемый повсюду и почти одновременно, вечный посетитель всех театров, концертов, маскарадов, балов, раутов, *déjeuners dansants* [танцевальных завтраков (*фр.*)], загородных поездок, зрелищ всякого рода и сорта, господин-юла, неутомимый хлопотун, исполнитель возможных и невозможных (для деликатных и уважающих себя людей) поручений, всеобщий фактор, сводчик, знакомый всему Петербургу, со всеми на *cher ami* [дорогой друг (*фр.*)], владеющий превосходно французским, немецким, английским, польским и итальянским языками, умеющий болтать и на многих других языках. Что же касается русского языка, то этот Протей говорил на нем так чисто, так приятно, как не умеют говорить даже многие коренные русские люди. Он знал все оттенки чистого русского говора, все особенности, тонкости, все поговорки, все пословицы, все русские местные присловья, подражал всем акцентам, цокал, чокал, говорил на о, на а, на е, на я, смотря по тому, с представителем какой именно местности ему приводилось говорить. Он обладал самыми энциклопедическими познаниями: не существовало той науки, того искусства, которые не были бы ему известны, конечно, поверхностно. Правда, Элькан ничего не знал основательно, а со всего на свете понахватал вершков, казавшихся саженьями в глазах людей малообразованных или

вовсе необразованных, каким наше общество, хоть и болтавшее бойко по-французски, кишмя кипело. Элькан, всем известный, выводимый на сцену, например, Мартыновым и Самойловым в шутовой пьеске à propos “Ложа первого яруса на первое представление Тальони” (имеется в виду водевиль П.А. Каратыгина “Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони”, 1838. — *А.Р.*), предмет сатирического карандаша Неваховича, Тима, Степанова, имел полуобезьянью-полукошачью фигуру и мордочку, которые так удачно укладывались в карикатуру. Но фигурка Элькана являлась не только на страницах карикатурных журналов, не только на нотах, на ламповых абажурах, на вывесках Христофорова, торговавшего ваксой в Гороховой, на фарфоровых чашках, но (о! верх публичности!) один продавец фаянсовой посуды в Гостином дворе пустил в продажу ночные вазы с весьма верным портретом Александра Львовича Элькана, в очках и в форменном светло-синем фраке Министерства путей сообщения, где он служил переводчиком, хотя все тамошние чиновники называли его не иначе, как «сводчиком». Однако ж продажа этих ваз была тотчас воспрещена, потому что фигура, на них изображенная, была одета в форменный фрак, присвоенный государственной службе. Но если правительство нашло неприличным продажу такой посуды, то сам Элькан нисколько не обиделся и поспешил шутки ради приобрести несколько экземпляров этой вещицы, сделавшейся вдруг редкою, когда ее запретили в продаже и велели уничтожить рисунок. Так как известно, что нет ничего милее запрещенного плода, сосуды эти сделались торговой редкостью, и находчивый Элькан, недаром бывший еврейского происхождения, с сильною склонностью ко всякому гандельству, продавал в своем приятельском кружке свои экземпляры по очень хорошей цене, в десять раз против первоначальной. Когда гуттаперчевый магазин Риттера на Адмиралтейской площади выпустил гуттаперчевые статуэтки Фаддея Булгарина, разумеется, в страшной карикатуре, Булгарин жаловался куда следует за оскорбление личности и достиг того, что статуэтки исчезли из торгового обращения. Узнав об этом, Элькан поскакал к Риттеру с просьбой сделать его статуэтку в каком угодно виде, и желание его было удовлетворено вполне. Гуттаперчевая фабрика выпустила две статуэтки Элькана — одну, изображавшую его в светло-коричневом рединготе, с зонтиком и шляпою в руках, а другую, представлявшую Элькана в очках, только с козьею черною бородкою Юлии Пастраны и в ее анда-

лузском костюме, выделяющим какие-то замысловатые па из фанданго. Ежедневно можно было видеть Элькана у витрины этого магазина, поясняющего всласть проходящим на всех диалектах и с самыми забавными ужимками и кривляньями, чья это статуэтка. При этом он рекомендовал свою личность и старался завязать со всеми знакомство, что ему часто и удавалось. Впрочем, он за тычком не гнался, и если ему говорили: “Я вовсе не желаю, сударь, вашего знакомства и прошу нигде и никогда не показывать, что вы меня знаете”, – то он раскланивался и, хохоча, восклицал: “Была бы честь приложена, а от убытка Бог избавил”.

Элькана как-то прозвали “Juif egrant” и “Вечный жид”. То и другое прозвища были усвоены ему публикою. Когда в начале шестидесятых годов его хоронили по лютеранскому обряду (он умер на 88-м году от роду, хотя всегда казался несравненно моложе), кто-то из публики спросил:

— Кого хоронят?

— Статского советника Элькана, — был ответ.

— Да ведь он был Вечный жид, а хоронят-то по христианскому обряду. Что это за история?

Так-то эта метко данная кличка усвоилась Элькану.

Элькан распускал о своих мнимых отношениях к тайной полиции слухи по городу, но чем больше он хлопотал о приобретении этой репутации, тем менее толковые люди верили его забавным хвастовствам, очень хорошо понимая, что такого болтуна никакой Фуше не допустит в свои секретные кабинеты. Со всем тем огромное знакомство Элькана во всех слоях петербургского общества и особенно та короткость, в какой он находился со всеми представителями всех возможных родов артистического, как туземного, так и приезжего из-за границы, доставляли ему возможность быть тем, чем его в Петербурге прозвали: “Ходячею петербургскою газетою”».]

НАСТОЯЩИЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХЛЕСТАКОВ М.С. ХОТИНСКИЙ. 1855

Жил-был здесь в Петербурге и много печатался Матвей Степанович Хотинский³⁹ (побочный сын бывшего при Александре I

³⁹ М.С. Хотинский (1810–1866) — популяризатор естественных наук, переводчик.

военного министра графа Татищева⁴⁰, прижитый с турчанкою из Хотина, откуда и кличка, данная графом своим сыновьям), автор многих книг⁴¹, а еще более искусный переводчик, почему его перевод творений Араго⁴² считается образцовым. В 40–50-х годах Матвей Степанович сотрудничал почти во всех журналах, тогда существовавших в Петербурге. Это был человек ежели не ученый, то прекрасно энциклопедически образованный, но, к сожалению, нечистый на руку во всяком денежном деле и с самою эластическою совестью, что у нас в России до создания «благородной» корпорации адвокатов не было делом обыкновенным и лица, снабженные такою совестью, были наперечет. К тому же Хотинский был просто типом гоголевского Хлестакова и любил немилосердно врать, хвастать и лгать на каждом шагу. Ложь всосалась у него в плоть и кровь, почему никто не обращал внимания на его рассказы, прозванные в интимном кругу «Хотинщиной». Покойный даровитый писатель А.В. Дружинин рассказывал о вранье Хотинского много прекурьюзных и презабавных анекдотов, из которых выдавался более других тот, что раз как-то, ради своего искусства болтать за послеобеденными бутылками увеселительной влаги, будучи приглашен к обеду в ресторацию за табльдот, Хотинский, услышав фамилию князь Несвицкий, сказал довольно ловко прочувствованный спич по поводу того, что он не может хладнокровно слышать фамилию князя Артамона Егоровича Несвицкого, потому что за 10–12 лет пред сим в Баден-Бадене он за пустой мотив с ним стрелялся и имел несчастье его убить наповал. Затем, опорожнив три-четыре бокала сряду, он начал почти навзрыд оплакивать убитого им князя Несвицкого.

— Бога ради, успокойтесь, господин Хотинский, — сказал, встав с своего места один средних лет мужчина почтенной на-

⁴⁰ Александр Иванович Татищев (1763–1833), граф (1826) — генерал от инфантерии (1823), военный министр (1823–1827).

⁴¹ См.: Взгляд на химические теории. СПб., 1847; Пища и одежда человека, или Чем человек питается и чем одевается: гигиенический очерк. СПб., 1853; История паровых машин, пароходов и паровозов. СПб., 1853; Чародейство и таинственные явления в новейшее время. СПб., 1866, и мн. др.

⁴² Араго Д.Ф. Гром и молния / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1859; *Он же*. Общепонятная астрономия / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1861. Т. 1–4; *Он же*. Избранные статьи из записок о научных предметах / пер. М.С. Хотинского. СПб., 1866. Т. 1–2.

ружности, — я тот самый князь Артамон Егорович Несвицкий, которого вы убили в Баден-Бадене⁴³.

Картина!..

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ОРЛОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ
ДВОРЯНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ
ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ И СТАРЕЦ
МАВРИН

В 1827 году орловское дворянство, то есть не дворянство Орловского уезда, а губернское дворянство, ни с того, ни с сего избрало значительным большинством шаров совсем молодого человека 25 лет от роду лейб-гвардии Кавалергардского полка ротмистра (в то время у кавалергардов производство было необыкновенно быстрое) Василия Александровича Шереметева⁴⁴, находившегося в это время в своем значительном родовом имении в годовом по службе отпуску по случаю принятия им после только что умершего отца весьма крупной недвижимой собственности. Выбор этот должен был быть утвержден высочайшею властью, и государь император Николай Павлович тотчас утвердил юного Шереметева губернским орловским предводителем дворянства с переименованием его в статские советники и пожалованием званием Двора его императорского величества камергера, причем государю угодно было отозваться так: «Хороших ротмистров гвардии у меня не занимать стать. Пусть один из них, заслуживший внимание орловского дворянства, постарается быть хорошим губернским предводителем важного дворянского сословия»⁴⁵.

Шереметев, сшив себе дворянский и камергерский мундиры, поспешил в Петербург, чтоб иметь счастье отблагодарить государя императора. Он остановился в одном из своих петербургских домов, ближайшем к Зимнему дворцу. И тут он, по природе

⁴³ Ср. с записью 1855 г. в дневнике А.В. Дружинина: «Рассказы Хотинского о его браке с девушкой кафрского племени» (*Дружинин А.В. Повести. Дневник*. М., 1986. С. 334).

⁴⁴ В.А. Шереметев (1795–1862) — орловский губернский предводитель дворянства (1833–1838), камергер (1834), позднее министр государственных имуществ (1856–1857), член Государственного совета (1857).

⁴⁵ Весь абзац очень неточен. Отец В.А. Шереметева, Александр Владимирович, умер в 1803 г. В.А. Шереметев был уволен со службы в 1819 г. по болезни. В 1830 г. он был избран (на три года) предводителем дворянства Мценского уезда и лишь в 1833 г., когда ему было 38 лет, стал предводителем дворянства Орловской губернии [12, с. 737].

несколько надменный, вдруг так высоко поднятый общественным мнением о его достоинствах и царским к нему вниманием, несколько зазнался и при всем его замечательном уме у него нравственно зарябило в глазах, отуманило голову и был момент, конечно, непродолжительный, что юный губернский предводитель Орловской губернии в чаду самопоения близок был к тому, чтобы наделать каких-нибудь трудноисправимых пошлостей.

На другой день приезда Василия Александровича в Петербург, поутру, внося бритвенный прибор и ставя его на туалетный столик под трюмо, наметанный ловкий камердинер, молочный брат Василия Александровича, на вопрос своего барина: «Есть ли просители в приемной?», отвечал, что кроме невзрачного лысого старикашки в каком-то фризском сюртучонке, который называет себя малоархангельским помещиком⁴⁶, еще нет никого. Шереметев укутался великолепным полотенцем с брюссельскими кружевами и, сев перед зеркалом, стал намыливать себе щеки.

— Введи этого малоархангельского помещика в фризском сюртучонке сюда, — молвил Шереметев камердинеру, — да дальше притолоки не вели ему подвигаться ко мне.

Все было в точности исполнено: у притолоки за порогом стоял мявший какую-то мерлушечью⁴⁷ шапку в руках точно крайне невзрачный старикашка с лицом какого-то кирпичного колера, лысый с пучками волос на затылке и на висках, сильно поседевших, но, по-видимому, бывших рыжими. Брившемуся он был виден в зеркало и потешал Шереметева своими нижайшими поклонами, обращаемыми к его спине.

— Вы орловский помещик? — спросил, глядя в зеркало, Шереметев и продолжал бриться.

— Так точно-с, ваше превосходительство⁴⁸, — подобострастно отвечал фризский сюртук, отвешивая поклон.

— Фамилия?

— Маврин-с Дмитрий Васильев сын-с⁴⁹. — И отвесил поклон.

⁴⁶ Малоархангельск — город в Орловской губернии.

⁴⁷ Мерлушка — шкурка ягненка грубошерстного пород овец.

⁴⁸ Звание губернского предводителя дворянства дает право на титул превосходительства всякому, хоть бы то был прапорщик в отставке, каких между помещиками было немало, до того, что император Николай Павлович Смоленскую губернию называл: «Губерния отставных поручиков». (Примеч. В.П. Бурнашева.) — Военные, если у них не было взысканий, получали при отставке следующий чин; соответственно, прапорщики становились поручиками в отставке.

⁴⁹ Правильно: Семен Филиппович. С.Ф. Маврин (1772 или 1776–1850 или 1855) — сенатор (1823).

— Имени и отчества мелкопоместных помещиков я не имею надобности знать. Какая у вас, помещик Маврин, до меня просьба?

— Никакой, ваше превосходительство, кроме разве той, чтобы в свободные мои часы от службы изволили дозволить мне являться к вашему превосходительству для исполнения каких-либо от вашего превосходительства порученностей.

— Где же вы служите здесь?

— В Правительствующем сенате, ваше превосходительство.

— Вы там повытчиком, что ли?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

— Столоначальник?

— Немного-с повыше, ваше превосходительство.

— Секретарь?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

— Неужели обер-секретарь?

— Немножко повыше-с, ваше превосходительство.

Шереметев уже на кресле с колесцами повернулся с полувыбитым лицом к Маврину и воскликнул:

— Состоите за обер-прокурорским столом?

— Немного повыше-с, ваше превосходительство.

— Обер-прокурор? — крикнул Шереметев и встал во весь рост.

— Немного повыше-с, ваше превосходительство.

— Боже мой, ваше превосходительство, член Правительствующего сената, сенатор?

— Немного повыше, ваше превосходительство, первоприсутствующий в Общем собрании Правительствующего сената.

Переполох вышел невообразимый по страсти старика Маврина одеваться нищим и давать уроки горделивцам⁵⁰. Этот урок Шереметеву принес огромную пользу, отрезвив его до того, что

⁵⁰ Ср. мнение М.М. Корфа о С.Ф. Маврине: «Быв каких-нибудь 15 лет обер-прокурором в Сенате и состоя теперь столько же времени сенатором, и притом из самых деятельных и усердных, он может почестся одним из отличнейших наших судей и по опытности, и по знанию законов, и по правилам своим. Последние — я не упоминаю уже о бескорыстии — до такой степени возвышенны, что, конечно, во всем Петербурге не найдется человека, который бы в них усомнился. При этих высоких достоинствах он остается, однако же, малоизвестным и почти не замечен, от скромности, доходящей до излишества и в которой он, *par principe* [из принципа (*фр.*)], переходит иногда даже почти в унижение, если где не идет дело об обязанностях службы. В последних никакая сила и никакое влияние не побудят его покривить душою или дать мнение, противное его убеждению» (*Корф М.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 145).

когда в 50-х годах он был министром государственных имуществ, то все в восхищении были от его любезности⁵¹.

НАРЫШКИН (ЛЕВ КИРИЛЛОВИЧ),
ДЯДЮШКА НЫНЕШНЕГО МИНИСТРА ДВОРА⁵²,
И СЛУЖИВШИЙ ПОД ЕГО (НАРЫШКИНА)
НАЧАЛОМ ЧИНОВНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ КОЛЛЕЖСКИЙ
СОВЕТНИК БИЛЬБАСОВ, РОДИТЕЛЬ ВСЕХ НЫНЕШНИХ⁵³

Первого июня 1849 года, когда я оставил службу коронную в звании делопроизводителя Комитета разбора и призрения нищих, я тотчас получил частное место делопроизводителя управления Бальтпортской железной дороги, проектированной тогда действительным статским советником Львом Кирилловичем Нарышкиным, назначившим мне хорошее содержание в 417 рублей в месяц или 5000 рублей серебром в год. За такое вознаграждение можно было отдавать Нарышкину все свое время и уже ничем не заниматься другим, кроме дела проектируемой Бальтпортской железной дороги. Нарышкин, хотя и истый аристократ во всей силе слова по происхождению Петра Великого из Нарышкинской крови и человек весьма богатый, был редкий работник, неутомимый трудолюбец, мастер и знаток всякого канцелярского производства. Работать с ним было легко, как с человеком легко обнимавшим предмет, вовсе не мелочным, почти всегда снисходительным; но требующим от того, кому хорошо платит, труда неутомимого, почему я у него проводил дни с 10–11 часов утра до 3–4 часов после полуночи, большею частью обедая у него, правду

⁵¹ Анекдот этот знаю наверное как от покойного моего отца, так от покойного же первоприсутствующего сенатора действительного тайного советника Михаила Николаевича Жемчужникова, отца поэта Алексея Михайловича и женатого на Ольге Алексеевне Перовской, сестре графов Перовских. (*Примеч. В.П. Бурнашева.*)

⁵² Имеется в виду генерал-контролер Контрольного департамента гражданских отчетов Государственного контроля (1842–1850), предводитель дворянства Петербургского уезда (с 1842) Лев Кириллович Нарышкин (1809–1855). Сестра его Александра Кирилловна Нарышкина (в браке Воронцова-Дашкова; 1817–1856) была матерью министра императорского двора и уделов в 1881–1897 гг. графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916).

⁵³ Имеются в виду надворный советник, в 1848 г. младший контролер Контрольного департамента гражданских отчетов Государственного контроля Алексей Алексеевич Бильбасов (1792–1857) и его сыновья: Василий Алексеевич (1838–1904) — историк и публицист, профессор Киевского университета (1869–1871), редактор газеты «Голос» (1871–1883); Константин Алексеевич (1839–1891) — юрист, член Петербургского окружного суда; Петр Алексеевич (1834–1910) — губернатор Самарской (1875–1878) и Полтавской (1878–1883) губерний.

сказать, весьма гастрономично и комфортабельно. Занятия мои у Нарышкина продлились всего шесть месяцев, потому что дело его с Бальтпортскою дорогою, начавшееся самым блестящим образом, не выгорело, потому что Нарышкин, человек страшно строптивый, не умел поладить с Клейнмихелем⁵⁴, поставившим ему ужасные подножки.

В течение этих шести месяцев я не слышал ни одного неприятного слова от Льва Кирилловича, не видел ни одной кислой мины, что было предметом удивления всех его подчиненных, как по домовою его конторе, так по управляемому им Департаменту гражданских отчетов контрольного ведомства⁵⁵, которых он нередко трактовал как собак в кегельной игре⁵⁶.

Я был свидетелем одного из такого рода случаев, когда он в бешенстве пустил огромный мокротный плевок в грудь служившего под его начальством коллежского советника Бильбасова, запрещаю ему платком стереть этот гнусный плевок, и, обратившись ко мне с каким-то истерическим смехом, сказал по-французски:

— *Cet animal s'avise de me parler de son rang et de ses décorations, en voilà une nouvelle, que je viens de leur flanquer, un crachat dans toute l'acception du terme, n'est-ce pas!*⁵⁷

Дело было так: из числа мелких молоденьких чиновников департамента Льва Кирилловича был один 22-летний юноша Андреевич из спавших с голоса придворных певчих, затеявший жениться на дочери одного из пребогатеньких кладбищенских священников, кажется Смоленского кладбища, знаю только, что красивенький и развязный чиновничек получил 50 тысяч рублей приданого за 17–18-летнею женкою, свежести обворожительной и красоты, редко встречаемой, получившей воспитание довольно порядочное и нравственное у родной тетки, женщины, по-ви-

⁵⁴ Граф (с 1839 г.) Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869) — генерал-адъютант (1826), генерал от инфантерии (1841), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1842–1855).

⁵⁵ Л.К. Нарышкин возглавлял Контрольный департамент гражданских отчетов в 1846–1850 гг.

⁵⁶ Бурнашев использует французский идиоматический оборот «recevoir quelqu'un comme un chien dans un jeu de quilles, le recevoir fort mal» — «Обойтись с кем-то как с собакой в игре в кегли», то есть обойтись очень плохо (поскольку собака кегли только собьет, а поиграть не даст). (Примеч. В.А. Мильчиной.)

⁵⁷ — Эта тварь смеет мне толковать о своем ранге и своих наградах, вот я ему и еще одну навесил, плевок в самом прямом смысле слова, не так ли! (фр.); Бурнашев обыгрывает двойное значение слова *crachat*; в прямом смысле «плевок», в переносном и просторечном «орденская звезда». (Примеч. В.А. Мильчиной.)

димому, весьма порядочной, бывшей камер-фрау императрицы Елизаветы Алексеевны.

Андреевич, имея возможность сделать свадьбу довольно пышную и парадную, упросил Льва Кирилловича быть его посаженным отцом. Нарышкин было не соглашался, но когда Бильбасов, заведовавший министерством удовольствий его превосходительства (*le ministre de ses plaisirs*), рассказал целую поэму в прозе о прелестях невесты, то Лев Кириллович согласился и, увидев молодую госпожу Андреевич, вскипел к ней страстью неизмеримо сильною и тотчас проявил страсть эту, дав мужу ее прекрасное штатное место секретаря своей канцелярии с такою казенною квартирою, какую перед тем занимал вице-директор.

Бильбасов имел дерзость и глупость уверить Нарышкина, что молодая Андреевич им, Бильбасовым, вполне намущтрована и адресирована на то, чтоб посвятить в своей спальне его превосходительству 2–3 часа времени, проводимого мужем ее на службе. Ввиду этого уверения своего министра удовольствий Нарышкин явился к прелестной молоденькой женщине во всеоружии своего торжества с букетом цветов и с роскошной бонбоньеркой. Юная хозяйка приняла его превосходно с величайшим тактом и с милою благодарностью. Но Нарышкин, увлекаясь страстью и уверениями Бильбасова, хотел довести свою предприимчивость до конца, и тут он встретил сильный отпор до того, что блестящая бонбоньерка разбита была об голову его превосходительства, который обратился в бегство и на другое утро сделал Бильбасову сцену, которой я был невольным свидетелем⁵⁸, причем Бильбасов под громом града самой гнусной извозничьей матерщины проворчал что-то о своих чинах и орденах, следствием чего был плевок в грудь коллежскому советнику, который впоследствии у того же начальства дослужился до превосходительства⁵⁹.

ЦЕЛОМУДРЕННЫЙ ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛ

В 1831 году два стихотворения барона Егора Федоровича Розена⁶⁰, известного стихотворца того времени, носившего тогда

⁵⁸ Л.К. Нарышкин был «великодушен, правдив в высшей степени, справедлив, добр до нежности, но когда возбуждена была страсть, был неукротимым, как все сильные характеры» (Воспоминания декабриста А.П. Беляева о пережитом и перечувствованном с 1803 года // Русская старина. 1886. № 2. С. 385).

⁵⁹ То есть до чина действительного статского советника.

⁶⁰ Барон Е.Ф. Розен (1800–1860) — драматург, поэт и литературный критик.

чин гусарского майора и звание старшего адъютанта Инспекторского департамента⁶¹, обратили на себя внимание тогдашнего дежурного генерала Потапова⁶², слишком порядочного человека, чтоб, подобно, например, генералу Арбузову⁶³, гневаться на тех из офицеров, которые занимались литературой, и гнать их; но, однако, его превосходительство был ежели не пуританин *de facto*, то любил щеголять пюризмом нравственности и потому на него произвели неприятное впечатление одни стихи подчиненного ему штаб-офицера-стихотворца. Вот эти стихи, во-первых, напечатанные в альманахе «Альциона» на 1831 год:

Путешествуя ко гробу,
 Где почит твой супруг,
 Позабудь мирскую злобу:
 Я вдовице нежный друг!
 Покорись же провиденью,
 Сокрушенная сестра!⁶⁴
 Отдохни под дымной сенью
 Постоялого двора!
 Нет перины! Нет служанки!
 Но отвыкнувший от нег,
 Без кровати, без лежанки,
 Будет сносен сей ночлег;
 Как-нибудь тебя пристрою:
 Есть подушка и шинель;

 Постелю тебе постель⁶⁵.

Одновременно с этими стихами, в которых одна строка была заполнена точками, как бы вымаранная цензором, что в те времена придавало особенный шик стихотворениям в печати, в ма-

⁶¹ Е.Ф. Розен в 1831–1834 гг. состоял при дежурном генерале Главного штаба.

⁶² Алексей Николаевич Потапов (1772–1847) — дежурный генерал Главного штаба (1823–1832), генерал-лейтенант (1826), генерал от кавалерии (1834).

⁶³ Алексей Федорович Арбузов (1792–1861) — генерал-лейтенант (1835), генерал-адъютант (1844), генерал от инфантерии (1851).

⁶⁴ Здесь подразумевалась в полном, довольно клубничном стихотворении барона Розена сестра мистическая, а не обыкновенная по родственной иерархии. (Примеч. В.П. Бурнашева.)

⁶⁵ Приведено стихотворение Розена «Постоялый двор».

ленькой газетке Бестужева-Рюмина⁶⁶ «[Северный] Меркурий» явились другие стихи того же барона Розена, майора и старшего адъютанта Инспекторского департамента, а именно:

Подруга муз, Музариона!
Тебе одной на умный суд
Я отдаю мой новый труд:
Скажи, грешна ли «Альциона»? —
Меня за «Левена»⁶⁷ винят,
За Баратынского⁶⁸ бранят
Санктпетербургские Сусанны;
И сам журнальный мой патрон,
Моим поступком оскорбленный
Мне нашептал упрек неожиданный!

Но если оправдаешь ты
Меня пред троном красоты,
Так до журнальной потасовки,
Еще беспечный весельчак,
Скажу патрону: «Ты чудак!»
Скажу Сусаннам: «Вы плутовки!»...⁶⁹

Случись на беду барона-стихотворца, что в одном из знатных петербургских домов, приходившемся сродни генералу Потапову, было двое молоденьких вдовушек, в обществе прозванных Сусаннами по причине их щепетильной строгости нравов, доходившей до самого чопорного педантизма⁷⁰. Барон Егор Федорович, употребивший название Сусанн, обращенное вообще к лицемерным женщинам, вовсе не имел в виду этих сестриц-пуританок, приходившихся сродни его начальнику, тем более, что живя вовсе не в высшем аристократическом петербургском, а в весьма среднем

⁶⁶ Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин (ок. 1800–1832) — поэт, литературный критик, журналист.

⁶⁷ Повесть барона Розена под этим заглавием. (Примеч. В.П. Бурнашева.) — Имеется в виду повесть «Константин Левен. (Из моих записок)», которой открывался альманах «Альциона».

⁶⁸ Одно эротическое стихотворение Баратынского в «Альционе». (Примеч. В.П. Бурнашева.) — в этом выпуске «Альционы» был помещен отрывок из поэмы Баратынского «Наложница» («Открыв рассеянной рукою...»).

⁶⁹ Приведено стихотворение «К N* (При посылке Альционы)» (Северный Меркурий. 1831. № 30/31. 11 и 13 марта).

⁷⁰ О скромной Сусанне см. в библейской Книге пророка Даниила (Дан. 13: 1).

и наиболее артистическом кругу, — барон никакого и понятия не имел об *les Suzannes* столичного *high life*⁷¹. Однако последствия всех этих стихов были те, что однажды барон Егор Федорович был призван в кабинет дежурного генерала и тут выслушал, к великому своему удивлению и изумлению, замечания его превосходительства, так или почти вот так отредактированные:

— Прежде всего, майор, вы должны помнить, что вы состоите на службе. Мысль о том, что вы поэт, должна быть второстепенною и подчиниться служебным и общественным условиям. Вот два ваших стихотворения, из которых в одном, напечатанном в весьма неприличном листке, называемом «Северным Меркурием»⁷², вы делаете слишком нецеремонное обращение к моим родственницам, прозванным в нашем кругу Сусаннами; но это не дает вам, барон, права обращаться к ним в ваших стихах, тем более, что вы никогда, сколько я знаю, не были им представлены. В другом вашем стихотворении, напечатанном в вашем альманахе «Альциона», за экземпляр которого, вами мне представленный, приношу вам мою благодарность, вы изображаете такую грязную картину приема на постоялом дворе какой-то вдовицы, для которой вы стелете вашу форменную шинель, что остается удивляться снисходительности вашего цензора, который вымарал из этих стихов всего один стих, а не все.

Барон Розен силился доказывать с своим типичным немецким акцентом и с постоянным восторженным завываньем, что, во-первых, он знатных Сусанн в виду не имел, вовсе не зная их, а что касается до стиха, замененного точками, то это было вовсе не делом цензора, а просто-напросто авторскою фантазиею, которая как бы кокетничала перед публикою цензорскими строгостями, заменяя иногда вымыслом истину.

Последнее обстоятельство заставило генерала сказать своему подчиненному стихотворцу:

— На будущее время рекомендую вам, майор, воздерживаться в ваших стихах от этого рода рядов точек и от рассказов грязного

⁷¹ Высшего света (*англ.*).

⁷² Таким неслестным эпитетом была почтена газетка известного тогдашнего циника Михаила Бестужева-Рюмина, вероятно, по той причине, что в эту пору два поэта, принадлежавшие к высшему кругу, два князя, именно князь П.А. Вяземский и юный тогда князь В.Ф. Одоевский печатно и устно заявляли свое сиятельное отвращение к этой газетке, что ее можно читать не иначе как в перчатках и потом прилежно еще мыть руки одеяландом. (*Примеч. В.П. Бурнашева.*) — Одеяланд (от *фр. eau du lavande*) — лавандная вода, изготовляемая из лаванды, содержащей эфирное масло.

свойства, оскорбляющих носимый вами мундир. Употребление же тех собрике⁷³, какие в ходу в высшем свете, я положительно вам возбраняю.

НЕОТКРЫТЫЙ СЕКРЕТ

В 1828 году, когда мне было едва 16 лет, я с отцом моим, давно знакомым с Н.И. Гречем, был ему представлен в первый раз. В то время Греч жил еще в Конногвардейской улице близ строившегося тогда Исаакиевского собора. Он обласкал меня, дал читать, помнится, «*Les contes de Vouilly*»⁷⁴ и советовал стараться их правильно переводить и, переведа одну, прочесть перевод их, сделанный на русский язык некогда В.А. Жуковским, и тогда стараться замечать неправильности своей переводной работы. Совет, конечно, разумный; но молоденькому, только что выходявшему из детства юноше хотелось испытывать себя в писаниях оригинальных, и вот я однажды принес Гречу толстую-претолстую тетрадь, привезенную мною из Орла и наполненную всякого рода сочинениями, какие я, живя еще с 1826 года в Орле, стряпал, под снисходительным наблюдением одного из моих преподавателей, учителя местной гимназии г-на Полонецкого⁷⁵, который сам некогда был учеником того харьковского профессора словесности Рижского, что составил когда-то некую чудовищную «Реторику»⁷⁶.

Николай Иванович в тот день, когда я ему преподнес эту тетрадочку, куда-то спешил и не имел времени терять в беседах с таким, как я был, мальчиком, почему сказал: «Положите вашу тетрадь на мой письменный стол: мы поговорим с вами о ее содержании со временем, а теперь мне, извините, недосужно».

⁷³ Собрике (от *фр. sobriquet*) — прозвище (*устар.*).

⁷⁴ «Сказки Буйи» (*фр.*). По-видимому, речь идет о книге «Сказки для моей дочери» (*Contes à ma fille*, 1809). В.А. Жуковский перевел вошедшую в этот сборник повесть «Розы Мальзерба» (впервые напечатана в «Вестнике Европы». 1810. № 12. С. 251–261). Впоследствии Бурнашев публиковал переводы из Буйи: *Буйи Ж.-Н.* Награда добродетели и благонравия, или Новые сказки г. Бульи для юношества обоего пола, переведенные с французского Орестом Сомовым и Владимиром Бурнашевым: в 2 ч. с картинками. СПб., 1835.

⁷⁵ Имеется в виду Степан Григорьевич Полоницкий — преподаватель латинской литературы в Орловской гимназии.

⁷⁶ *Рижский И.С.* Опыт риторики: сочиненный и преподаваемый в Санктпетербургском Горном училище. СПб., 1796. Иван Степанович Рижский (1755–1811) — ректор и профессор красноречия, стихотворства и языка российского Харьковского университета (1804–1811).

С тех пор прошел добрый месяц, я у Греча бывал, но о тетрадке справляться не решался как-то, он же никогда об ней не напоминал. Раз как-то, в одну пятницу на вечернем собрании у Марьи Алексеевны Крыжановской⁷⁷ привелось мне встретиться с Николаем Ивановичем, бывавшим часто во все другие дни недели, а по пятницам очень редко. Увидев меня, только что едва познакомившегося в этом quasi-аристократическом доме, Греч тотчас апострофировал⁷⁸ меня словами:

— А, юный поэт!

Я сконфузился и отозвался, что я никогда ни одного еще стиха не написал, да и, положительно, не умею писать ни белых, ни рифмованных стихов.

— Можно, мой милый, — возразил Греч, — быть поэтом, не будучи стихотворцем, и быть, напротив, стихотворцем, не будучи поэтом. Пример первого — Жан Жак Руссо, пример второго — наш граф Хвостов. Не отнекивайтесь, вы коли не поэт еще, то поэт, поэтёночек. Намедни Орест Сомов⁷⁹ заглянул в ту тетрадищу с примерами разных риторических хрий, какую вы у меня оставили, и сказал: «Должно быть всё писания отрока, воспевающего в прозе природу, восход солнца, луну и всевозможную поэтическую дребедень».

— Ах, Николай Иванович, — воскликнул я чуть не со слезами, — а ведь как я усердно просил вас *не открывать*...

Я хотел сказать «моего секрета», но Греч не дал мне договорить и вскричал с обычными своими ауськами:

— Да я же Богом вам божусь, — тетрадищи вашей и *не открывал*.

СТРАСТЬ К КОРРЕКТУРЕ СИЛЬНЕЕ ГОРЕСТИ ОБ УТРАТЕ СЫНА

Известно, что Н.И. Греч был необыкновенно хороший и знающий корректор. Занятие это обратилось у него почти в какую-то болезненную страсть, так что, читая какие бы то ни было книги, журналы или газеты, он никак не мог удержаться, чтоб не взяться

⁷⁷ М.А. Крыжановская (урожд. Перовская; 1791–1872) — побочная дочь А.К. Разумовского; была женой генерал-лейтенанта М.К. Крыжановского.

⁷⁸ Окликнул (*фр.*).

⁷⁹ Орест Михайлович Сомов (1793–1833) — прозаик, литературный критик, журналист; в 1825–1829 гг. активно сотрудничал в «Северной пчеле».

за карандаш и не приняться исправлять типографские ошибки, пропущенные корректором. Когда 27 января 1837 года в Петропавловской церкви совершалось погребение его второго сына Николая Николаевича, умершего на девятнадцатом году жизни, Николай Иванович был жестоко потрясен этою неожиданною потерю своею, истинно во всех отношениях, очаровательного любимца. В церкви, сидя против гроба, стоявшего на катафалке, Греч постоянно рыдал. Но вдруг он что-то внимательно стал всматриваться в немецкие молитвенные слова, вырезанные на серебряных скобах сыновнего гроба, крытого черным бархатом по лютеранскому обычаю, и, обращаясь к сидевшему за ним Н.И. Юханцеву⁸⁰, распоряжавшемуся похоронами, сказал: «Эх, Николай Иванович, как это вы недосмотрели: безграмотный чухна гробовщик сделал три ошибки в буквах при вырезке молитв на скобах гроба моего дорогого Николеньки!»

СТИХИ В АЛЬБОМ ГРАФА Д.И. ХВОСТОВА

Известно, что граф Д.И. Хвостов не давал в Петербурге никому покоя своими стихами, стараясь ловить повсюду знакомых и незнакомых, умоляя их послушать его новые вирши, которые он величал стихами. Познакомься у А.Е. Измайлова с Владиславом Максимовичем Княжевичем⁸¹ и узнав, что он пишет стихи и написал поэму «Летний сад» в полусерьезном, полушутливом тоне, — граф упросил его хоть одним отрывочком с ним поделиться и написать собственноручно этот эпизод в его, графа, альбом. Нечего было делать, и шутливый, хотя и имевший всегда, как и все братья его, серьезный вид, Княжевич вписал в альбом графа свои стихи под названием «Чума Летнего сада»:

И вот беда! Куда деваться?
Идет творец случайных⁸² од!

⁸⁰ Николай Иванович Юханцов (1805–1870) — чиновник Министерства иностранных дел, помощник редактора газеты «Journal de St. Pétersbourg»; сотрудник «Северной пчелы» в 1820–1830-х гг.

⁸¹ В.М. Княжевич (1798–1873) — литератор и журналист первой половины 1820-х гг.; вице-губернатор Петербургской (1824–1827) и Таврической (1832–1838) губерний.

⁸² То есть од, написанных по определенному поводу.

Он ищет с кем бы повстречаться,
Прочесть расинов перевод⁸³.
Друзья и морщатся, и хвалят,
В глаза зевают и хулят;
Ничем охоты не убавят:
Поэт неумолим читать⁸⁴.

Замечательно, что граф сам не уразумел, что это его вернейший портрет; но нашлись добрые люди, растолковавшие ему суть дела, и он велел переpletчику вынуть из альбома этот листок, сожженный им в камине, а В.М. Княжевич с тех пор избавился от докучливых приглашений графа на его несносные так называемые «литературные» вечера⁸⁵.

Литература

1. Белова Н.А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитарный ун-т, 2008. 230 с.
2. Курганов Е. Анекдот и литературно-придворный быт. М.: Азбуковник, 2018. 384 с.
3. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsIsBooks, 2015. 264 с.
4. Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki: University of Helsinki, 1995. 278 с.
5. Лепехин М.П. Бурнашев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 370–372.

⁸³ Д.И. Хвостов перевел «Андромаху» Расина (1794).

⁸⁴ Приведена цитата из стихотворения «Вечер на Крестовском острове. (Письмо к приятелю)», опубликованного в журнале «Благонамеренный» (1823. № 17. С. 337–341) и подписанного: В. Марков. С такой подписью в «Благонамеренном» было помещено в 1818–1824 гг. несколько стихотворений, но никаких сведений о поэте того времени с подобными фамилией и инициалом или с таким псевдонимом нет. Не исключено, что сведения Бурнашева достоверны и В.М. Княжевич, который часто печатал свои произведения и переводы в «Благонамеренном», в том числе и стихи, использовал этот псевдоним.

⁸⁵ Вечерние литературные собрания у Д.И. Хвостова проходили в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг., их посещали второстепенные, по большей степени начинающие литераторы (А.Ф. Воейков, В.И. Карлгоф, М.Е. Лобанов, А.М. Маргынов, А.О. Огинский, В.И. Панаев, А.И. Подолинский, Е.Ф. Розен, Б.М. Федоров и др.).

6. *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: Изд-во т-ва М. Вольф, 1916. 496 с.

7. *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 466 с.

8. *Рейтблат А.И.* Летописец слухов // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 162–166.

9. Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. М.: Худож. лит. 1990. 270 с.

10. *Сперанская Н.* Петербургская газета «Le Furet» / «Le Miroir» (1829–1833) // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 391–406.

11. *Чекунова А.Е.* Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 131–140.

12. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиогр. справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Vladimir Burnashev as an Anecdotist

© 2022. Abram I. Reitblat

New Literary Review, Moscow, Russia

Abstract: Being a journalist, author of many books for children, popular science essays and compilations, a newspaper day laborer, Vladimir P. Burnashev is especially interesting for literary historians as a memoirist who in the 1870s performed with the memoirs about contemporary writers and historical figures, mainly of the 1820s–1840s. The publication is devoted to the anecdotes collected from the literary and social life of Russia in the 19th century, which were recorded by Burnashev. It is an important and still insufficiently studied aspect of his creative heritage. The article is accompanied by the publication of a selection of uncensored (mostly scandalous in their subjects) texts by Burnashev from the archives of the Pushkin House and the National Library of Russia. The article raises the question of the anecdotes genre specifics in the 19th century as well.

Keywords: Vladimir Burnashev, literary anecdotes, social and cultural life of Russia in the 19th century, Nikolay Leskov, creative heritage, archive publications.

Information about the author: Abram I. Reitblat — PhD in Pedagogy, “New Literary Review” Publishing House, Tverskoy boulevard 13, 123104 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401> E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: “Vladimir Burnashev as an Anecdotist,” text prep. by A.I. Reitblat, comm. by A.I. Reitblat. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 282–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-282-314>

References

1. Belova, N.A. *Literaturnyi anekdot v russkij proze i periodike pervoi treti XIX v.* [*Literary Anecdote in Russian Prose and Periodicals of the First Third of the 19th Century*]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State Humanitarian University Publ., 2008. 230 p. (In Russ.)
2. Kurganov, E. *Anekdot i literaturno-pridvornyi byt* [*Anecdote and Literary-Court Life*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)
3. Kurganov, E. *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [*Anecdote as a Genre of Russian Literature*]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2015. 264 p. (In Russ.)
4. Kurganov E. *Literaturnyi anekdot pushkinskoi epokhi* [*A literary Anecdote of the Pushkin Time*]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 1995. 278 p. (In Russ.)
5. Lepekhin, M.P. “Burnashev Vladimir Petrovich” [“Burnashev Vladimir Petrovich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 1. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., 1989, pp. 370–372. (In Russ.)
6. Librovič, S.F. *Na knizhnom postu: Vospominaniia, zapiski, dokumenty* [*On a Book Post: Memoirs, Notes, Documents*]. Petrograd, Moscow, M. Volf Association Publishing House, 1916. 496 p. (In Russ.)
7. Nikanorova, E.K. *Istoricheskii anekdot v russkoi literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom.* [*Historical Anecdote in Russian Literature of the 18th Century: Anecdotes about Peter the Great*]. Novosibirsk, Sibirskii chronograf Publ., 2001. 466 p. (In Russ.)
8. Reitblat, A.I. “Letopisets slukhov” [“Chronicle of Rumors”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 1993, pp. 162–166. (In Russ.)
9. *Russkii literaturnij anekdot kontsa XVIII — nachala XIX veka* [*Russian Literary Anecdote of the Late 18th — Early 19th Centuries*], comp. and comm. by E. Kurganov, N. Okhotin; introd. by E. Kurganov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 270 p. (In Russ.)
10. Speranskaia, N. “Peterburgskaia gazeta ‘Le Furet’ / ‘Le Miroir’ (1829–1833)” [“Petersburg Newspaper ‘Le Furet’ / ‘Le Miroir’ (1829–1833)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 94, 2008, pp. 391–406. (In Russ.)
11. Chekunova, A.E. “Poiavlenie istoricheskogo anekdota v Rossii” [“The Emergence of a Historical Anecdote in Russia”]. *Voprosy istorii*, no. 2, 1997, pp. 131–140. (In Russ.)
12. Shilov, D.N. *Gosudarstvennye deiateli Rossiiskoi imperii: glavy vysshikh i tsentralnykh uchrezhdenii, 1802–1917: Biobibliograficheskii spravocchnik* [*Statesmen of the Russian Empire: Heads of Higher and Central Institutions, 1802–1917: Biobibliographical Directory*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 830 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2021
 Одобрена после рецензирования: 30.01.2022
 Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 04.12.2021
 Approved after reviewing: 30.01.2022
 Date of publication: 25.03.2022